



Информация для цитирования:

Ожигова М. М. Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького : к истории публикации рассказа «Переулоч лунного света» («Беседа», Берлин) / М. М. Ожигова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 317—332. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-317-332.

Ozhigova, M. M. (2025). Aesthetic and Artistic Interactions Between Stefan Zweig and Maxim Gorky: Publication History of Short Story “The Moonlight Alley” in “Beseda” (Berlin). *Nauchnyi dialog*, 14 (6): 317-332. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-317-332. (In Russ.).



Web of Science™



РИНЦ



Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького: к истории публикации рассказа «Переулоч лунного света» («Беседа», Берлин)

Ожигова Мария Михайловна
orcid.org/0000-0002-9631-0446
кандидат филологических наук,
кафедра теории литературы
ozhigova13.m@gmail.com

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке по гранту в форме субсидии Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Aesthetic and Artistic Interactions Between Stefan Zweig and Maxim Gorky: Publication History of Short Story “The Moonlight Alley” in “Beseda” (Berlin)

Maria M. Ozhigova
orcid.org/0000-0002-9631-0446
PhD in Philology, Department of Literary Theory
of Literary Theory
ozhigova13.m@gmail.com

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
Ministry

The study is supported by of Education and Science of the Russian Federation, grant in the form of a subsidy (project “Russian and European Classics in the 21st Century: preparation of digital scientific commentaries”, Agreement № 075-15-2024-549 dated April 23, 2024)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история публикации рассказа «Переулочек лунного света» С. Цвейга в берлинском журнале М. Горького «Беседа» (№ 3, 1923) в компаративистском контексте. Сообщается, что Горький отмечал «тематическое сходство» рассказа Цвейга со своим текстом «Рассказ о безответной любви» и настоял на том, чтобы разместить оба произведения в одном номере «Беседы». Цель исследования заключается в анализе редакционно-издательского эпизода, в выявлении его значения в контексте сродства и сближения художественных методов и поэтик писателей. Материалом являются тексты Горького и Цвейга, а также их переписка. К сопоставлению был привлечен и более ранний текст Горького «Макар Чудра». Принимая во внимание творческое мироощущение Горького, автор статьи выявляет новые грани сродства авторских поэтик Горького и Цвейга. Доказывается, что решение Горького разместить рассказ Цвейга в своем журнале было связано со спецификой изображения любви у двух писателей, со сродством характерологических черт психологизма, общностью художественных поэтик и родственными мировоззренческими установками.

Ключевые слова:

Максим Горький; Стефан Цвейг; журнал *Беседа*; переписка; *Переулочек лунного света*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the publication history of Stefan Zweig's short story "The Moonlight Alley" in Maxim Gorky's Berlin journal "Beseda" (No. 3, 1923) within a comparative framework. It is noted that Gorky recognized the "thematic similarities" between Zweig's narrative and his own work "A Tale of Unrequited Love," insisting on featuring both pieces in the same issue of "Beseda." The aim of this research is to analyze this editorial and publishing episode, highlighting its significance in the context of the artistic methods and poetics shared by both writers. The study draws on the texts of Gorky and Zweig, as well as their correspondence. Additionally, Gorky's earlier text "Makar Chudra" is included for comparison. By considering Gorky's creative worldview, the author reveals new dimensions of similarity in the poetics of Gorky and Zweig. It is argued that Gorky's decision to publish Zweig's story in his journal was closely related to the distinctive portrayals of love by both authors, their shared psychological traits, common artistic poetics, and aligned philosophical perspectives.

Key words:

Maxim Gorky; Stefan Zweig; journal *Beseda*; correspondence; *The Moonlight Alley*.



Грани эстетико-художественного взаимодействия С. Цвейга и М. Горького: к истории публикации рассказа «Переулочек лунного света» («Беседа», Берлин)

© Ожигова М. М., 2025

1. Введение = Introduction

Стефан Цвейг и Максим Горький по праву являются одними из самых ярких и значительных авторов XX века. Как известно, писатели были дружны, переписывались и даже были лично знакомы. Цвейг и Горький были единомышленниками как по многим творческим, так и по политическим вопросам. Этот аспект рассматривала Л. М. Юрьева в книге «М. Горький и передовые немецкие писатели XX века». Она отмечала, что с самого начала знакомства между писателями завязались дружеские отношения, а переписка «...продолжалась до самой смерти Горького» [Юрьева, 1961, с. 75]. Так, например, «М. Горький высоко ценил очерк Цвейга о Стендале...» [Сучков, 1969, с. 122], при этом открыто говоря Цвейгу и о недостатках эссе. В то же время и Цвейг писал Горькому, что очень ценит его творчество: «Как я люблю Ваши книги!» [Переписка А. М. Горького ..., 1960, с. 11].

Как раз в период знакомства с Цвейгом русский писатель находится в Германии и там начинает издавать собственный журнал «Беседа», который был «одним из самых значительных литературно-издательских начинаний Горького за рубежом...» [Примочкина, 2003, с. 151]. По замыслу писателя, в журнале должен был публиковаться цвет европейской культуры: «А. Эйнштейн, Э. Штейнах, Т. Манн, Б. Келлерман и др...» [Кудрявцева, 2023, с. 19], в том числе и Стефан Цвейг. «В “Беседе” Горький хотел объединить все прогрессивные культурные силы современной Европы, России и русского зарубежья» [Примочкина, 2006, с. 251].

Для нас представляет интерес редакционно-издательский аспект взаимоотношений Горького и Цвейга, а именно — публикация в горьковском журнале «Беседа» (№ 3, 1923 год) единственного рассказа Цвейга «Переулочек лунного света». Данный эпизод интересен еще и тем, что Горький вы-



брал этот рассказ не случайно, а настоял на его публикации именно потому, что увидел сходство своего произведения «Рассказ о безответной любви» (1923) с текстом Цвейга. Более того, писатель принял решение разместить эти два произведения в одном номере своего журнала. Сам характер данного издательского эпизода вызывает интерес и с компаративистской точки зрения. Таким образом, целью исследования является рассмотрение редакционно-издательского эпизода публикации рассказа С. Цвейга «Переулок лунного света» в журнале М. Горького «Беседа», посредством анализа двух рассказов выявить взаимосвязи художественных концепций этих писателей. Кроме рассказов, к анализу был привлечен более ранний текст Горького «Макар Чудра» (1892). Новизна исследования заключается в том, что редакционно-издательский аспект взаимоотношений Горького и Цвейга анализируется впервые, хотя в 1920-е годы писатели состояли в активной переписке. Исследование является важным вкладом в компаративистику, так как позволяет высветлить близость поэтики и художественных методов писателей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является рассказ С. Цвейга «Переулок лунного света» (1922 год, на русском языке издан в 1923 году), а также произведения М. Горького «Рассказ о безответной любви» (1923) и «Макар Чудра» (1892). Кроме того, материалом исследования является переписка Горького и Цвейга, а также другие письма М. Горького. Так как рассказы в статье рассматриваются не только в контексте редакционно-издательского эпизода, но и в компаративистском ключе, в работе используются сравнительно-исторический подход, а также метод целостного анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предыстория публикации перевода рассказа С. Цвейга «Переулок лунного света» в журнале М. Горького «Беседа»

Литературно-художественные взаимоотношения С. Цвейга и М. Горького в целом хорошо известны. В истории знакомства и общения русского и австрийского писателей есть, как уже было сказано выше, редакционно-издательский эпизод, связанный с берлинским журналом Горького «Беседа», который заслуживает отдельного рассмотрения. Речь идет о рассказе Цвейга «Die Mondscheingasse» («Переулок лунного света»), больше известном в позднем переводе как «Улица в лунном свете». На немецком текст был опубликован в 1922 году, а годом позже впервые появился в русском переводе в журнале Горького (1923, № 3). Примечательно, что этот рассказ был единственным текстом Цвейга, появившимся на страницах горьковской



«Беседы» за все время существования журнала, хотя в этот период активно развивались дружеские отношения писателей и Горький рассчитывал на сотрудничество Цвейга с «Беседой».

История публикации «Переулка...» на русском языке имеет несколько крайне интересных аспектов. Прежде всего, стоит вспомнить, что журнал «Беседа» Горького выходил не так долго, но тем не менее за период с 1923 по 1925 годы Горький успел издать семь номеров, которые включали помимо рецензий и научных статей большое количество художественных текстов русскоязычных авторов и переводных произведений зарубежных писателей. Горький в этот период активно общался с Цвейгом, однако выбрал для размещения в своем журнале лишь один уже названный выше текст австрийского писателя, так больше ничего из рассказов Цвейга и не опубликовав, хотя всегда очень восторженно отзывался о его творчестве. В то же время сама история появления текста Цвейга в «Беседе» представляется очень интересной с компаративистской точки зрения.

Публикации рассказа предшествовало заочное знакомство Горького и Цвейга, а затем и последующий обмен письмами. Стоит отметить, что впоследствии, уже в 1930-х годах, Цвейг и Горький не раз будут видеться лично и дружить семьями. Одно из первых упоминаний о Цвейге в переписке Горького содержится в письме Р. Роллану от 6 августа 1923 года, в котором русский писатель восхищается одним из рассказов Цвейга: «Стефан Цвейг, автор книги о Вас, не есть ли и автор “Письма незнакомки”? Буде это так — передайте ему мое искреннейшее восхищение этим его превосходным рассказом» [Горький, 2009, с. 217]. А уже 21 августа 1923 Горький, находясь в Гюнтерстале, в письме В. Ф. Ходасевичу дает оценку недавно вышедшим текстам Цвейга: «Не попадетсЯ ли Вам в руки книжка Стефана Цвейг <a> “Амок”, прочитайте в ней “Письмо незнакомки” — очень хорошо!» [Там же, с. 228]. Вскоре начинается собственно переписка Горького и Цвейга.

Первое письмо Цвейга Горькому датируется 29 августа 1923 года. 18 сентября Горький, отвечая на это письмо, просит у Цвейга разрешения «... перевести и напечатать...» [Переписка А. М. Горького ..., 1960, с. 12] в «Беседе» рассказ «Переулоч лунного света». В ответ на это предложение в письме от 26 сентября Цвейг отвечает: «С радостью даю я согласие опубликовать... мой рассказ...» [Там же, с. 13]. Горький решает одновременно с текстом Цвейга разместить в 3-й книге «Беседы» и свой «Рассказ о безответной любви», о чем сообщает в письме Ф. А. Брауну от 28 сентября [Горький, 2009, с. 250]. При этом в письме В. Ф. Ходасевичу от 12 октября он спрашивает, перевела ли Нина Берберова рассказ Цвейга, и добавляет, что «Рассказ сей нужен в 3-й №, он очень схож с моим единством тем» [Там же, с. 257]. Горький настаивает, чтобы текст Цвейга и его рассказ были помещены в одном



номере. Реакция Горького очень интересна, так как случайное сходство двух произведений вызывает у него не отторжение, а удивление. При этом писатель не стремится «развести» тексты по разным номерам, а наоборот, размещает их в одном номере, чтобы близость текстов могли оценить и другие читатели. Уже 6 ноября, отправляя Цвейгу корректуру текста, Горький отмечает: «Любопытно, что Ваша тема похожа на мой рассказ о любви, который появится тоже в этом журнале» [Там же, с. 263]. Об этом сходстве Горький в этот же день сообщает и Р. Роллану. Примечательно также и то, что больше Горький не опубликует в «Беседе» ни одного переводного рассказа Цвейга, что подчеркивает важность выбора этого текста.

Далее в статье будет проанализировано сходство рассказов. Мы рассмотрим оригинальный немецкий текст Цвейга. Первоначальный перевод Берберовой несколько отличается от более позднего перевода И. Б. Мандельштама, поэтому мы будем ориентироваться на текст, который Горький опубликовал в «Беседе». Отметим, что расхождения в переводах затрагивают стилистический компонент текста. Например, различие можно увидеть в самом названии рассказа: «Переулочек лунного света» у Н. Берберовой, и «Улица лунного света» у Мандельштама.

3.2. Истоки интереса М. Горького к рассказу «Переулочек лунного света» С. Цвейга в ракурсе сходства поэтик двух писателей: сопоставительный аспект

Говоря о сходстве «Рассказа о безответной любви» с «Переулочком лунного света», Горький подчеркивает именно «единство тем». Однако при рассмотрении текстов становится очевидно, что речь идет о сближении сюжета и проблематики. Кроме того, тексты сходны и композиционно, представляют собой «рассказ в рассказе».

В «Переулочке лунного света» герой-рассказчик, блуждая по незнакомому городу и предаваясь размышлениям о жизни, забредает в один из ресторанчиков в тёмных кварталах. Несмотря на очевидно плохую репутацию заведения, он остаётся и становится невольным зрителем отталкивающей сцены: женщина, работающая в заведении, прилюдно унижает мужчину-посетителя, который безропотно сносит все издевательства и покорно выполняет все её требования. При этом женщина просит героя, ставшего случайным свидетелем этой сцены, не беспокоиться: *Das ist eine alte Sache zwischen mir und ihm...* [Zweig, 2001, с. 275] (...*Это у нас старая история...* [Цвейг, 1923, с. 170]). С тяжелым чувством от увиденной сцены герой покидает злачное место. Вместе с ним уходит и униженный незнакомец, которого разгоряченная женщина вслед называет скрягой. На улице незнакомый мужчина предлагает проводить героя-рассказчика до гостиницы и по дороге начинает исповедь. Он рассказывает драматическую историю своих отно-



шений с женщиной из ресторана, бывшей, как оказалось, его женой. Легкомысленная и беззаботная, она имела пристрастие к красивым вещам, хотя была бедна: *...und sie war leicht, sie hatte gern schöne Sachen ... und war doch arm...* [Zweig, 2001, с. 281] (*...была беззаботна, любила хорошие вещи... но была бедна...* [Цвейг, 1923, с. 220]). Мужчина же, в прошлом состоятельный, попрекал её этим, а деньги всегда заставлял вымаливать: *...ließ ich sie immer bitten...* [Zweig, 2001, с. 282] (*...заставлял я ее всегда просить...* [Цвейг, 1923, с. 176]). По его собственному признанию, ему нравилось унижать её: *...es tat mir wohl, dass sie um jedes Kleid, um jedes Band kommen mußte und betteln...* [Zweig, 2001, с. 282] (*...из-за каждого платья, из-за каждой ленты она должна была приходить...* [Цвейг, 1923, с. 176]). При этом мужчина был убежден, что делал все это из любви к ней, но одновременно осознавал, что целью его было сломить её гордость: *...Ich... ihren Stolz... wollte ich ihn immer knechten* [Zweig, 2001, с. 282] («...и все мне ее унижить хотелось...») [Цвейг, 1923, с. 176—177]). В один день все переменялось. Однажды он отказал ей в незначительной сумме для матери: *...ich hatte ihr Geld verweigert für ihre Mutter, ganz, ganz wenig...* [Zweig, 2001, с. 282] (*Я отказал ей в деньгах для ее матери, совсем, совсем немного*). После этого для него начались мучительные дни. От людей он узнал, что жена сбежала в Берлин «...mit einem Soldaten...» [Zweig, 2001, с. 282], («...с каким-то солдатом...») [Цвейг, 1923, с. 177]). Долгие перипетии и поиски приводят героя туда, где его находит рассказчик, а исповедальный рассказ заставляет мужчину пережить все терзания снова, и он в отчаянии, упав на колени, умоляет героя-рассказчика поговорить с женщиной из трактира и упросить ее вернуться. Он признается, что у него уже приготовлен нож: или жена вернется к нему, или случится непоправимое.

В отличие от предыдущего сюжета, в «Рассказе о безответной любви» Горького история отношений актрисы уездных театров Ларисы Антоновны Добрыниной с главным героем не содержит внутренней драмы, так как она не отвечает ему взаимностью, однако заканчивается печально: безвестная актриса умирает на руках у любящего ее героя. Печальному финалу предшествует бурная, насыщенная событиями жизнь Ларисы, полная переездов, пока в одном из городов она не встречает своего будущего поклонника, полубившего ее на всю оставшуюся жизнь. При этом трагедийность горьковского текста еще более усиливается, так как в борьбе за сердце Добрыниной погибает брат героя, Коля, из-за безответной любви к актрисе покончивший с собой. На первый взгляд может показаться, что Горький рисует образ роковой женщины, однако при ближайшем рассмотрении становится ясно: многочисленные поклонники не приносят Ларисе Добрыниной радости, поскольку она сама не испытывает к ним никаких



чувств и мечтает лишь об успехе на актёрском поприще. Сюжет горьковского текста представляет собой печальный ретроспективный анализ главным героем жизни актрисы, её окружения и собственных неразделенных чувств.

Оба рассказа имеют исповедальный характер. При этом главные герои, всю жизнь безответно любящие одну-единственную женщину, чувствуют перед ней некую вину, впрочем, не всегда очевидную. Так, вина Цвейгского героя очевидна: он унижал женщину тем, что подчеркивал разность положений и ее финансовую зависимость от него. Герой Горького, напротив, проявлял заботу об актрисе Добрыниной, и прямых оснований для обвинения его нет. Можно даже сказать, что актриса уездного театра Добрынина больше виновата перед ним, так как неволью повлияла на судьбу главного героя. Оба мужчины внутренне как будто испытывают скрытый «гнев по отношению к самому себе» [Красавский, 2013, с. 95], а потому чувство к женщине практически истязает их. Общим для Цвейга, и для Горького является то, что они изображают любовь не как созидательное, а как болезненное, а иногда даже разрушительное чувство. Любовь становится источником страданий и несчастья. В то же время важно, что и для Цвейга, и для Горького характерно уважительное отношение к женщине, даже если она изображается в некомплементарном, и даже неприглядном виде. Так, актриса Лариса Добрынина у Горького показана глубоко страдающей, мечтающей состояться на актерском поприще, стремящейся найти полезное применение своей жизни. Горький тонкими штрихами показывает, что она, конечно, хочет и любить, и быть любимой, однако для нее конфликт заключается в том, что она не может обрести счастье без взаимной любви. Отсюда горький трагизм истории главного героя, полюбившего искренне, но без взаимности и всю свою жизнь вынужденного наблюдать за случайными связями Добрыниной. Сходным образом и героиня Цвейга, фактически превратившаяся из порядочной женщины в проститутку, сначала вызывает отторжение, чего Цвейг добивается, наделяя свою героиню отталкивающим поведением, манерами и речью (для писательской манеры Цвейга в изображении женских персонажей характерны «...образность и экспрессивность...» [Буриева, 2021, с. 39]). Вместе с тем главный герой чувствует вину за то, что сам подтолкнул возлюбленную к падению, прекрая ее деньгами. В этом конфликте видна одна из особенностей прозы Цвейга, в которой часто «бурным переживаниям персонажей противопоставляются мещанская косность» [Шадеко, 2020, с. 107]. В конце концов, после рассказа главного героя отторжение читателя сменяется искренним сочувствием к обоим героям, ведь мужчина сообщает рассказчику, что это он ее такой сделал: *...es ist vielleicht meine Schuld, dass sie so ist* [Zweig,



2001, с. 280] (...это, может быть, моя вина, что она такая [Цвейг, 1923, с. 175]). И отчасти с ним можно согласиться, ведь поведение женщины оказывается своеобразным бунтом против унижений от более сильного мужчины, обладающего финансовым превосходством. Бунтом выглядит и поведение горьковской Ларисы Добрыниной, мечтающей о творческой звездной судьбе, которую ранит потребительское отношение всех зрителей, и особенно мужчин, которые ее окружают. Добрынина, как и героиня Цвейга, страдает от уязвленной гордости, ищет истинного счастья и, не испытывая взаимного чувства к главному герою, даже в его любви, по всей видимости, видит что-то потребительское и эгоистичное.

Впрочем, в этом и заключается тонкий психологизм рассказов Цвейга и Горького. Действительно, любовь мужчины в обоих случаях имеет сходство с болезнью, с желанием обладать женщиной как вещью, даже если эта любовь, как у Горького, окрашена в жертвенные тона. Отсюда общий для рассказов мотив погони, унижительного для героя следования за любимой женщиной, что вносит в чувство уже эгоистический оттенок. У героя Цвейга эгоистическое начало чувства прослеживается явно, ведь он стремится вернуть возлюбленную, отказываясь понять, что смертельно унизил ее. У горьковского героя этот эгоизм присутствует в скрытом виде, ведь его «преследование», постоянное нахождение рядом не делало актрису Добрынину счастливее, более того, как видно из одной из сцен, заставляло ее чувствовать вину. Когда герой упрекает ее, говоря, что она его не любит, Лариса Антонова честно признается: *Милый, голубчик, но — если нет... если нет у меня — не могу. Поймите — нет!* [Горький, 1973, с. 297]. Таким образом, обе героини, хоть и по разным причинам, отвергают любовь мужчины. Интересно, что это «отталкивание» связано и с мотивом поиска себя, желанием обрести уверенность, отстоять «свой путь», то есть писатели подсвечивают психологическую тему.

Трудно не заметить феминистическое начало в рассказах Цвейга и Горького. Обе героини и сами не могли бы, наверное, объяснить мотивы некоторых своих поступков. Принципиальная позиция во взаимоотношениях с мужчиной вполне понятна, однако тот образ жизни, которые они выбирают, приносит страдания не только мужчине, но им самим. Актриса Добрынина, в конце концов, умерла на руках у нелюбимого человека, так и не добившись признания большой публики. Очевидно, что и новый образ жизни героини Цвейга приведет ее к окончательной гибели — от руки мужа или нового любовника. Здесь можно было вспомнить работу Цвейга о Фрейде, в которой отмечается: «Наша жизнь, во всей ее полноте, не развивается свободно на началах разумности, но испытывает непрерывное давление со стороны бессознательного...» [Цвейг, 1990, с. 33]. Действи-



тельно, рассказы Горького и Цвейга сходны специфическим психологизмом, тонким описанием своеобразных отношений «притяжения-отторжения» между двумя героями. Конфликт между мужчиной и женщиной неразрешим, но в то же время окончательная разлука для них невозможна по причине любви, или эгоизма, или страсти мужчины. В этом смысле взгляд писателей необычен, поскольку они занимают сторону женщины и пытаются понять ее движения души и мотивы. Вероятно, это сходство точек зрения связано и с жизненными позициями Горького и Цвейга. Цвейг, «страстный психолог, каким его считал Ромен Роллан» [Боголюбова, 2004, с. 153], создает произведения, проникнутые сочувствием к женской судьбе и отличающиеся чутким отображением человеческих переживаний («Письмо незнакомки», «Гувернантка» и др.). В то же время «Горький с юности отводил особую роль любви и ее месту в жизни человека» [Спиридонова, 2022, с. 342], что видно и в его письмах, когда он говорит о женщине: «...женщина — Родоначалница, и в деле строения мира приоритет за нею» [Горький, 2009, с. 117]. Как раз изображение внутреннего мира женщины и привлекает Горького в творчестве Цвейга, в чем он признается в самом начале их знакомства, говоря о том, что рассказ «Письмо незнакомки» «взволновал ... до глубин души его потрясаяще искренним тоном, его нечеловеческой [необыкновенной] нежностью отношения к женщине» [Горький, 2009, с. 243]. Таким образом, за «тематическим сходством», которое усмотрел Горький в рассказах, стоит нечто большее, а именно — близость художественных установок двух писателей и их мировоззренческих установок, общие черты психологизма, любовной поэтики. Как можно видеть, интерес к рассказу Цвейга, решение о публикации его текста на страницах «Беседы» связаны с глубоким сходством поэтик двух рассказов. Это подтверждает сходство с «Переулком лунного света» и другого текста Горького — «Макар Чудра».

Сюжеты рассказов схожи как на уровне сюжета, так и на уровне мотивов и композиции. В обоих текстах повествование ведется от первого лица, однако построено как «рассказ в рассказе». У Цвейга рассказчик пересказывает историю, случившуюся с ним в одном из путешествий, при этом трагическую историю отношений рассказывает ему случайный знакомый. У Горького же рассказчик узнает историю любви Радды и Лойко Зобара из уст Макара Чудры, старого цыгана, с которым тот знакомится во время своих странствий. При этом важно обратить внимание на композиционное сходство рассказов: в обоих произведениях началу истории предшествует небольшое философское отступление, которое представляет собой рассуждение о жизни, и лишь после этого перед читателем разворачивается история трагической любви. Так, в начале рассказа Горького Макар Чудра



рассуждает о жизни, о том, что лучшая жизнь заключается в свободе, в возможности узнавать мир, «учит автора или лицо, от имени которого ведется рассказ» [Михайловский, 1997, с. 340], утверждает, что человек изначально «раб — как только родился» [Горький, 1968, с. 14], и не понимает, зачем работает, живет и суетится. Сходным образом рассуждает рассказчик Цвейга, очутившийся поздним вечером в незнакомом городе. Форма рассуждений героя Цвейга несколько иная, автор создает эффект потока мыслей человека, гуляющего по вечернему городу и наблюдающего за жизнью вокруг: *...empfund nur, dass ich hier fremd war, wunderbar losgelöst in einem Unbekannten stand...* [Zweig, 2001, с. 271] (*...я знал лишь, что стою здесь, чуждой всему...опрокинутый в неизвестное...* [Цвейг, 1923, с. 166]). В то же время философские размышления горьковского Макара Чудры и героя Цвейга имеют схожее, житейское направление, связанное с судьбой человека. Макар Чудра называет человека рабом, потому что он не понимает, что такое свобода: *Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце* [Горький, 1968, с. 14]. В то же время герой Цвейга противопоставляет обитателей улиц, по которым он идет, моряков и другой люд, всем остальным людям именно по принципу наличия некоей свободы, «неведомого», в которое волей судьбы ему пришлось погрузиться: *Letzte phantastische Reste einer sinnlich unregelten Welt, wo die Triebe noch brutal und ungezügelt sich entladen...* [Zweig, 2001, с. 211] (*Последний фантастический остаток умственно расхлябанной вселенной, где царствует грубый, несдерживаемый вихрь...* [Цвейг, 1923, с. 165]). Отчасти явление инстинктов этих свободолюбивых и в какой-то степени диких людей можно будет увидеть в истории, рассказанной Макаром Чудрой. Вместе с тем рассказчики имеют и психологическое сходство: оба находятся в пути, философски относятся к жизни.

В обоих произведениях сюжет строится вокруг трагической истории взаимоотношений мужчины и женщины. При этом, на первый взгляд, перед нами разворачивается история несчастной любви, которую погубила не только дикая гордость (Горький), но и праведная гордость женщины, уставшей терпеть попреки мужа (С. Цвейг). Действительно, мотив гордости является центральным, сюжетообразующим для обоих рассказов. Однако если внимательнее взглянуть на тексты, то можно увидеть, что мотивы любви и гордости здесь связываются с личностным мотивом героев, их стремлением доказать свою правоту. Так, Радда горда по природе и может сойтись с Лойко Зобаром только в случае, если он покорится ей, в свою очередь Зобар, любя Радду, ставит ей условие, что будет и женившись на ней жить вольно, как и прежде. В рассказе Цвейга же отношения героев разрушаются из-за скупости мужчины, при этом женщина не может про-



стить мужа, не уступает и продолжает всячески унижать его. Сам герой связывает это с ее гордостью. Однако помимо мотива гордости в сюжете также просматривается мотив непростения и стремления отстоять свою точку зрения, который свойственен и мужчине. Ведь герой, несмотря на чудовищные унижения, которым подвергает его жена, все равно остается рядом, снова и снова приходит в то значное место, где она теперь работает. Вероятно, мужчина, пытавшийся когда-то унижить ее указанием на разницу их положений, теперь, даже несмотря на унижения, которым она его подвергает, вновь пытается собственнически вернуть свою жену, как вещь, а это в свою очередь уже не имеет отношения к настоящей любви. В обоих рассказах речь идет, скорее, о борьбе двух людей, одинаково сильных, но не готовых уступить. Идет ли здесь речь о любви — трудно сказать, так как любовь в ее классическом понимании включает в себя самопожертвование, на которое никто из героев не готов.

Вместе с тем оба текста реализуют исповедальную тональность. Так, Макар Чудра открыто рассказывает чужаку трагическую историю, случившуюся в таборе, хотя герой Горького чужд среде цыган. В рассказе Цвейга несчастный мужчина откровенно делится своей историей с совершенно чужим человеком, посвящая незнакомца в самые тонкие детали своих интимных переживаний. Кроме того, к исповедальности добавляется и музыкальная тема. Так, в горьковском рассказе «Макар Чудра» именно с песен Лойко Зобара начинается трагическая история его отношений с Раддой. В тексте Цвейга герой, оказавшийся в незнакомом городе, услышав такую знакомую для него мелодию на немецком языке из оперы Карла Вебера, набредает на трактир, где знакомится с несчастными мужчиной и женщиной. Когда герой заходит в помещение, песня обрывается, «*Wie von einem Messer zerschnitten fiel das letzte Wort des Gesanges herab*» [Zweig, 2001, с. 273] (*точно отрезанная ножом* [Цвейг, 1923, с. 167]). После того, как незнакомец завершает свой печальный рассказ, герой вспоминает, что услышал, как «откуда-то доносилась песня». Музыкальная тема, присутствующая в рассказах Цвейга и Горького, не только организует сюжет, но и является способом выразить народную душу. В горьковском рассказе песня — это выражение души цыганского народа: «...вся-жизнь, вся-огонь, вся-страсть» [Стечкин, 1997, с. 487]. Знакомство Радды и Лойко Зобара начинается с того, что она услышала его песню, а отблески их будущего противостояния видны уже в содержании песен Лойко и даже в том пренебрежении, с которым воспринимает их Радда. В то же время у Цвейга музыка, с одной стороны, передает мироощущение героя, оказавшегося в чужом городе и услышавшего знакомую мелодию на родном немецком языке. Таким образом, следуя за мелодией, герой не ожидает узнать траги-



ческую историю, а инстинктивно стремится быть ближе к дому. С другой стороны, выслушав рассказ незнакомца, герой слышит вдали песню, которая как будто вводит его в «*der schwere Traum einer starken Stadt*» [Zweig, 2001, с. 285] (*страшный сон жестокого города* [Цвейг, 1923, с. 180]). Эта песня становится лейтмотивом и маркером той скрытой жизни, тех трудных судеб, с которыми связана жизнь города.

Рассказы Горького и Цвейга заканчиваются трагически: Лойко Зобар убивает гордую Радлу, а персонаж Цвейга намекает герою, что собирается это сделать, если жена не вернется к нему и не простит его. Финальная сцена остается открытой, однако по контексту читатель понимает, что история может закончиться только трагически: *...gab er sich einen Ruck, raffte sich auf und sprang gegen die Tür. Metall blitzte in seiner Hand...* [Zweig, 2001, с. 288] (*...он отпрянул, выпрямился и прыгнул к дверям. Металлический предмет сверкнул в его руке...* [Цвейг, 1923, с. 182]).

4. Заключение = Conclusions

Исследование истории публикации рассказа С. Цвейга «Переулок лунного света» — единственного текста этого автора, появившегося в журнале М. Горького «Беседа», — позволяет заключить, что предпосылки для размещения обоих рассказов в одном номере были связаны не только с отмеченным Горьким «сходством тем» с его «Рассказом о безответной любви» или личной симпатией к творчеству Цвейга. Этому способствовала близость поэтик двух писателей. Проанализированные произведения характеризует общность психологизма в художественном изображении любви. Кроме того, текст Цвейга был сопоставлен еще с одним, но уже более ранним произведением Горького «Макар Чудра». Оба произведения также имеют сюжетное, мотивное и композиционное сходство, которое не ограничивается только любовной темой, а затрагивает и другие грани поэтики писателей.

Таким образом, редакционно-издательский эпизод сотрудничества Цвейга в журнале Горького «Беседа» имеет не случайный характер, что заслуживает внимания в контексте компаративистской проблематики. Сопоставительный анализ текстов позволяет говорить о том, что явные сходства текстов не ограничиваются тематическим сближением, а обусловлены спецификой изображения любви у двух писателей, «психологизмом диалогов» [Архипов, 1982, с. 410], общностью художественных поэтик и родственными мировоззренческими установками.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.



Источники и принятые сокращения

1. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 24 томах / М. Горький. — Москва : Наука, 2009. Т. 14. — 821 с. — ISBN 5-02-011192-9.
2. *Горький М.* Полное собрание сочинений : в 25 томах / М. Горький — Москва : Наука, 1968—1976. — Т. 1. — 1968. — 590 с. — Т. 17. — 1973. — 631 с.
3. *Цвейг С.* Собрание сочинений. В 8 т. / С. Цвейг. — Москва : АСТ МОСКВА, 2009. — Т. 1. — 638 с. — ISBN 978-5-17-013937-8.
4. *Цвейг С.* Переулок лунного света / С. Цвейг // Беседа. — 1923. — № 3. — С. 163—182.
5. *Zweig S.* Novellen / S. Zweig. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. — 320 с. — ISBN 5-222-01984-5.

Литература

1. *Архипов Ю. И.* Триумф и трагедия Стефана Цвейга / Ю. И. Архипов // Нетерпение сердца. Исторические миниатюры. — Москва : Правда, 1981. — С. 410—415.
2. *Боголюбова Н. В.* Стефан Цвейг — великая жизнь, великая трагедия : История жизни и смерти / Н. В. Боголюбова. — Москва : Современник, 2004. — 256 с. — ISBN 5-270-01292-8.
3. *Буриева Э. Т.* Примеры женских образных выражений в творчестве Стефана Цвейга / Э. Т. Буриева // Вестник науки и образования. — 2021. — № 1 (104). — Ч. 2. — С. 38—40.
4. *Красавский Н. А.* Ассоциативно-образные признаки концепта «гнев» в повести Стефана Цвейга «Жгучая тайна» / Н. А. Красавский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27). — Ч. 2. — С. 93—96.
5. *Кудрявцева Т. В.* Имя А. М. Горького на культурной карте Германии / Т. В. Кудрявцева // А. М. Горький в Германии : писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве. — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 13—32. — ISBN 978-5-9208-0724-3.
6. *Михайловский Н. К.* О г. Максиме Горьком и его героях / Н. К. Михайловский // Максим Горький : pro et contra : Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1997. — 895 с. — ISBN 978-5-9208-0724-3.
7. *Перетиска А. М.* Горького с зарубежными литераторами. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 446 с.
8. *Примочкина Н. Н.* Горький и писатели русского зарубежья / Н. Н. Примочкина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 364 с. — ISBN 5-9208-0119-0.
9. *Примочкина Н. Н.* Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа» / Н. Н. Примочкина // Русские в Италии : культурное наследие в эмиграции. — Москва : Русский путь, 2006. — С. 251—259. — ISBN 5-85887-239-5.
10. *Примочкина Н. Н.* Поэтика эксперимента : творчество М. Горького начала 1920-х гг. / Н. Н. Примочкина. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-4499-2813-9.
11. *Стечкин Н. Я.* Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской слоности и в жизни русского общества / Н. Я. Стечкин // Максим Горький : pro et contra : Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1997. — 895 с. — ISBN 978-5-9208-0724-3.
12. *Спиридонова Л. А.* М. Горький — мыслитель, художник, человек / Л. А. Спиридонова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 429 с. — ISBN 978-5-9208-0697-0.



13. Сучков Б. Л. Стефан Цвейг / Б. Л. Сучков // Лики времени — Москва : Изд-во Художественная литература, 1969. — С. 82—152.

14. Юрьева Л. М. М. Горький и передовые немецкие писатели XX века / Л. М. Юрьева. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. — 211 с.

15. Цвейг С. Зигмунд Фрейд. Из биографической трилогии «Врачевание и психика» / С. Цвейг. — Москва : Форкис, 1990. — 78 с.

16. Шадеко В. П. К вопросу о художественном своеобразии новелл Стефана Цвейга / В. П. Шадеко // ART LOGOS. — 2020. — № 4 (13). — С. 103—112.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025,
одобрена после рецензирования 15.07.2025,
подготовлена к публикации 28.07.2025.

Material resources

Gorky, M. (1968—1976). *Complete works: in 25 volumes, 1, 17*. Moscow: Nauka. 590 p ; 631 p. (In Russ.).

Gorky, M. (2009). *Complete works: in 24 volumes, 14*. Moscow: Nauka. 821 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Zweig, S. (1923). Lane of the moonlight. *Conversation*, 3: 163—182. (In Germ.).

Zweig, S. (2001). *Novellen*. Rostov-on-Don: Phoenix. 320 p. ill. ISBN 5-222-01984-5. (In Russ.).

Zweig, S. (2009). *Collected works. In 8 volumes, 1*. Moscow: AST MOSCOW. 638 p. ISBN 978-5-17-013937-8. (In Russ.).

References

Arkhipov, Yu. I. (1981). The triumph and tragedy of Stefan Zweig. In: *Impatience of the heart. Historical miniatures*. Moscow: Pravda. 410—415. (In Russ.).

Bogolyubova, N. V. (2004). *Stefan Zweig — the great life, the great tragedy: The Story of life and death*. Moscow: Sovremennik. 256 p. ISBN 5-270-01292-8. (In Russ.).

Burieva, E. T. (2021). Examples of female figurative expressions in the works of Stefan Zweig. *Bulletin of Science and Education*, 1 (104) / 2: 38—40. (In Russ.).

Correspondence of A. M. Gorky with foreign writers. (1960). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 446 p. (In Russ.).

Krasavsky, N. A. (2013). Associative-figurative signs of the concept “anger” in Stefan Zweig’s novel “The Burning Secret”. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9 (27) / 2: 93—96. (In Russ.).

Kudryavtseva, T. V. (2023). The name of A. M. Gorky on the cultural map of Germany. In: *A. M. Gorky in Germany: a writer and his environment in the socio-cultural and literary-media space*. Moscow: IMLI RAS. 13—32. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).

Mikhailovsky, N. K. (1997). About Maxim Gorky and his heroes. In: *Maxim Gorky: pro et contra: Maxim Gorky’s personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers*. St. Petreburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts. 895 p. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).

Primochkina, N. N. (2003). *Gorky and the writers of the Russian Diaspora*. Moscow: IMLI RAS. 364 p. ISBN 5-9208-0119-0. (In Russ.).



- Primochkina, N. N. (2006). Italian themes in the publications of the journal “Conversation”. In: *Russians in Italy: cultural heritage in emigration*. Moscow: Russian Way. 251—259. ISBN 5-85887-239-5. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2022). *The poetics of experiment: the work of M. Gorky in the early 1920s*. Moscow: Direct-Media. 320 p. ISBN 978-5-4499-2813-9. (In Russ.).
- Shadeko, V. P. (2020). On the question of the artistic originality of Stefan Zweig’s short stories. *ART LOGOS*, 4 (13): 103—112. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2022). *M. Gorky — thinker, artist, man*. Moscow: IMLI RAS. 429 p. ISBN 978-5-9208-0697-0. (In Russ.).
- Stechkin, N. Ya. (1997). Maxim Gorky, his work and its significance in the history of Russian modernity and in the life of Russian society. In: *Maxim Gorky: pro et contra: Personality and creativity of Maxim Gorky in the assessment of Russian thinkers and researchers*. St. Petreburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 895 p. ISBN 978-5-9208-0724-3. (In Russ.).
- Suchkov, B. L. (1969). Stefan Zweig. In: *Faces of time*. Moscow: Publishing house of Fiction. 82—152. (In Russ.).
- Yuryeva, L. M. (1961). *M. Gorky and the advanced German writers of the XX century*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 211 p. (In Russ.).
- Zweig, S. (1990). *Sigmund Freud. From the biographical trilogy “Healing and the Psyche”*. Moscow: Forkis. 78 p. (In Russ.).

*The article was submitted 29.01.2025;
approved after reviewing 15.07.2025;
accepted for publication 28.07.2025.*